

УДК 330.84/.86(571)

ББК 65.02(253)53-2

DOI [10.17150/2308-2588.2016.17\(3\).526-543](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(3).526-543)

А. М. Курьшов

*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

«НАИВНЫЙ» ОПТИМИЗМ ПРОТИВ «ПРЕДВЗЯТОГО» ПЕССИМИЗМА

Аннотация. Проводится анализ полемики между марксистами и народниками о перспективах развития капитализма в Сибири, имевшей место на страницах газеты «Восточное обозрение» в 1896 г., в контексте постановки вопроса, составляющего предмет дискуссии. Делается вывод о невозможности позитивного решения спора ввиду различного понимания сторонами целей, методов и мотивов исследования.

Ключевые слова. «Восточное обозрение», Л. Б. Красин, И. И. Попов, И. И. Майнов, марксизм, народничество, капитализм в Сибири.

A. M. Kuryshov

*Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

NAÏVE OPTIMISM VERSUS PRECONCEIVED PESSIMISM

Abstract. The article conducts an analysis of the dispute between Marksists and Narodniks about the perspectives of capitalism development in Siberia that took place in «Eastern survey» newspaper in 1896. The author comes to the conclusion that the dispute had no positive result because its participants had different understanding of aims, methods and motives of the study.

Keywords. «Eastern survey», L. B. Krasin, I. I. Maynov, Marxism, narodniks movement, capitalism in Siberia.

*...Наличие атомов несомненно,
но изображать город Москву
как скопление атомов хотя и
правильно, но бессмысленно.*

Л. Н. Гумилев

В 1896 г. в 105-м (от 6 сентября) номере иркутской газеты «Восточное обозрение» (газеты провинциальной, но известной в России) были опубликована небольшая статья редактора газеты народника Ивана Ивановича Попова, представлявшая собой конспект его выступления, сделанного на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде. Заметка стала поводом к развернувшейся на страницах «Восточного обозрения» полемике по вопросу об уровне развития капитализма в Сибири (статья Л. Б. Красина «Судьбы капитализма в Сибири», статья И. И. Попова «Судьбы капитализма в России (Ответ Л. Б. Кр-ну)», статья И. И. Майнова «Предвзятый пессимизм (По поводу статьи “Судьбы капитализма в Сибири”)»). Полемика эта, являя собой составную часть спора между народничеством и марксизмом о путях развития России, несмотря на свою непродолжительность, очень интересна. Во-первых, она позволяет получить представление о методологических подходах и научной аргументации народников (И. И. Попов, И. И. Майнов) и марксистов (Л. Б. Красин) (статья Л. Б. Красина — это вообще едва ли не первый опыт использования марксистской методологии для описания процессов экономического развития Сибири). Во-вторых, ее анализ актуализирует историко-экономические исследования Сибири, поскольку спор касался не только тогдашнего настоящего сибирского края, но и его будущего.

Заметка И. И. Попова, вызвавшая дискуссию, стала откликом на сравнительно скромные успехи промышленности Сибири, представленные на XVI Всероссийской выставке (И. И. Попов был помощником заведу-

ющего Сибирским отделом выставки П. П. Семенова (Тян-Шанского) и лично участвовал в подготовке экспозиции), на фоне достижений промышленности и науки российской (нижегородский электрический трамвай, радиоприемник А. С. Попова, первый русский автомобиль, сетчатые конструкции В. Г. Шухова и т. д.). Основные мысли заметки И. И. Попова сводятся к следующему:

– сибирская экспозиция выставки не демонстрирует лучшие (т. е. исключительные) образцы продукции Сибири, а дает представление о реальном положении дел с развитием материальной и духовной культуры края (что, как считает И. И. Попов, правильнее);

– реальное положение дел таково: Сибирь, в частности – Восточная, имеет огромный потенциал развития, который не реализуется по причине крайне низкого уровня культуры и образования простого народа;

– именно с культурным развитием простого народа («неизвестного пахаря крестьянина» и, что важно, коренного жителя-«инородца»), который будет совершенствовать свои, народные формы хозяйствования при поддержке государства (путем разумных реформ), связаны перспективы развития Сибири.

Перед нами – позиция человека, радеющего за ставший родным сибирский край, призывающего к просвещению народа, надеющегося на то, что «страна изгнания и ссылки», нещадно эксплуатируемая как «золотое дно», займет достойное место в России. При этом, сетуя на промышленную отсталость Сибири и связывая ее с неразвитостью народного просвещения, И. И. Попов видит в этой отсталости и позитивную сторону – сибирский житель в большинстве своем не знаком с «изнанкой капиталистического хозяйства», что ставит его в более благоприятные условия по сравнению с жителем европейской России. Вот этот-то тезис, обнаруживающий народническую сущность позиции И. И. Попова и в концентрированном виде выражен

ный в одной фразе («Перед Сибирью теперь два пути: один — блестящий путь западно-европейского капитализма, другой — тернистая дорога развития существующих народных форм жизни в более высшие. Недавно опубликованная Высочайше утвержденная реформа поземельного устройства в Сибири, выдвинувшая принцип государственной собственности на землю, при дружной работе правительства и общества, будет направлять эволюцию народного хозяйства в сторону второго пути и спасет Сибирь от стремительного потопа развития капиталистических форм» [1, с. 3]), но, в общем-то, далеко не главный именно в этой работе И. И. Попова, и стал основанием для статьи молодого марксиста Л. Б. Красина, незадолго до этого (в 1895 г.) волею судеб и царского правительства заброшенного в Иркутск.

Статья Л. Б. Красина «Судьбы капитализма в России» — в некотором смысле образчик марксистского анализа проблемы, — анализа расчетливого, логичного и, вместе с тем, холодно страстного. Она в меру наукообразна, но и наивно обаятельна своими бескомпромиссностью и максимализмом. В самом начале своей статьи Леонид Борисович определяет, что очень важно, общее направление полемики, — речь пойдет о *будущем* Сибири, и метод исследования — *наблюдение реальности*, а не субъективное философствование («Наука добывает свои истины при помощи единого метода, метода точного наблюдения и опыта, и на этой почве, а не на почве наших идеалов, влечений и вкусов должно вестись обсуждение судеб сибирской промышленности и капитализма» [3, № 121, с. 2]). Также Л. Б. Красин дает определение капитализма («В более тесном смысле слова, это такой способ производства, при котором орудия и средства труда принадлежат на правах частной собственности предпринимателю капиталисту и приводятся в действие наемными работниками» [Там же]), дабы затем доказать наличие

его признаков в Сибири и сделать вывод о неизбежности торжества капиталистических отношений над более примитивными хозяйственными формами, в том числе теми, которые его визави считает «народными». Красин последовательно идет к выводам, четко сформулированным в конце статьи и сводящимся к следующим тезисам:

- капиталистические отношения в Сибири не только будут развиваться — они уже есть: вся немногочисленная добывающая и обрабатывающая промышленность — капиталистическая, еще не исчезнувшие кустарные промыслы — «домашняя форма капитализма», земледелие несет «печать власти капитала», «инородцы» находятся «под влиянием капитала»;

- основным признаком развития капитализма в Сибири является повсеместное разрушение натурального хозяйства и становление хозяйства «товарного»;

- будущее сибирской экономики связано с неизбежным установлением господства капиталистических отношений, чему сильно будут способствовать, помимо прочего, развитие торговли как проводника «господства капитала» и строительство железной дороги.

Общий вывод не сформулирован, но понятен из контекста статьи: Сибирь, хотя и с отставанием, идет вслед за европейской Россией (а та — за Европой) по капиталистическому пути развития, а капитализм, в соответствии с марксистской теорией, неизбежно сменится постэкономической (коммунистической) формацией.

Безусловно сильными сторонами статьи являются ее высокая степень теоретизирования, схематичности (что позволяет взглянуть на происходящие процессы «сверху» и определить перспективы) и последовательность, логичность изложения мыслей. Слабыми же местами стали отход от заявленного автором метода наблюдения реальной действительности (выраженный в пренебрежении статистическими данными) и широкое толкование понятия «капитализм» (несколько

смягченное, впрочем, страстной убежденностью Красина в своей правоте). На этих-то недостатках статьи, а также на неприятии нравственно-отстраненной позиции молодого марксиста и построили свою критику И. И. Попов и Иван Иванович Майнов, народник, ученый-этнограф, коллега И. И. Попова по работе в ВСОРГО и редакции «Восточного обозрения».

Возражения Попова на статью Красина можно условно разделить на две группы — те, что касаются развития капитализма вообще, и те, что затрагивают вопросы развития капитализма в Сибири. Только последние напрямую относятся к «Судьбам капитализма в Сибири», первые же критикуют марксизм в целом (точнее, его интерпретацию в российском варианте, какой она представляется И. И. Попову). Первая группа возражений Попова:

– Маркс, к последователям которого относит себя Красин, говоря о примате производственных отношений, сформулировал не закон развития общества (от феодализма — к капитализму, от капитализма — к коммунизму), а метод изучения общественных процессов;

– экономика не есть единственная основа общества, к ним относятся и политика, и культура; таким образом, анализом одних экономических процессов нельзя описать и объяснить развитие общества в целом;

– нельзя отождествлять с капитализмом все формы зависимости человека от капитала (т.е. понимать его, в терминологии Красина, «в более широком смысле»); признаки капитализма — «полное разъединение трудящихся от средств производства, полное разобщение между производителем и потребителем продукта производства», условие, «чтобы рабочие могли продавать свой труд, могли им распоряжаться по своему усмотрению, т. е. были бы юридически независимыми», условие, «чтобы производство совершалось в крупных размерах» [7, № 130, с. 2];

- капитализм связан, прежде всего, с промышленностью, сельское хозяйство может развиваться иначе; Россия — страна земледельческая, и у неё свой путь хозяйственного развития;

Критику непосредственно выводов Л. Б. Красина И. И. Попов построил на следующих основаниях:

- в Сибири удельный вес промышленного производства и его значение еще меньше, чем в России в целом (соответственно, промышленный капитализм затрагивает лишь очень незначительную часть сибирского населения), промышленность отсталая, слабо механизирована, а значительная часть рабочих продолжает оставаться связанной с землей (т. е. занята на промышленных предприятиях временно); основная причина неразвитости капитализма в Сибири — недостаток свободных рабочих рук, и «прогресса» в этом вопросе не предвидится; кустарное производство в Сибири не исчезает, а, напротив, находится в стадии становления;

- железная дорога облегчит транзит, но вряд ли сможет способствовать развитию внутренней сибирской транспортной сети;

- сибирское земледелие выгодно отличается от европейского, — здесь «мы не встречаемся с безземельными крестьянами и почти не знаем батрачества», «сибирский крестьянин значительно зажиточнее своего зауральского собрата» [7, № 133, с. 2], соответственно, нет условий для развития капитализма (нет свободных рабочих рук); община в Сибири не исчезает, а, напротив, формируется;

- многие «инородцы» действительно находятся в кабале у торговцев и перекупщиков, что постепенно приводит к «угасанию инородческих племен», но наличие задолженности и несправедливого обмена еще не есть признак капитализма;

- капитализм несет с собой многие беды, и с ними нужно бороться, а не принимать их как должное и не-

избежное, — «объективное отношение к страданиям людей немислимо в культурном человеке — он должен бороться против зла, он должен уменьшать сумму страданий среди человечества» [7, № 133, с. 3].

Все свои возражения Красину И.И. Попов подкрепляет статистическим материалом и многочисленными конкретными примерами, что, по-видимому, должно было убедить читателей «Восточного обозрения» в большей научности его точки зрения в сравнении с позицией Леонида Борисовича.

В отличие от Попова, который лишь в конце своей статьи остановился на необходимости борьбы с негативными проявлениями капитализма, Иван Иванович Майнов, выражая несогласие с выводами Л. Б. Красина, в первой части своей работы делает упор именно на моральной ущербности строя, предрекаемого автором «Судеб капитализма в Сибири»: мнимыми «благами» капитализма объявляются обезземеливание крестьян, упадок семейных нравов, разврат и «понижение роста и упадок физических свойств населения», марксизм представляется учением «зловещим и мрачным, почти самоубийственным» [5, № 139, с. 3]. Неприятие Майновым идеи неизбежности наступления капитализма, выраженное языком скорее публициста, чем ученого, ощущается читателем почти физически, настолько он страстно обличает эту идею.

Вторая часть статьи Майнова посвящена разбору и «разгрому» выводов Красина (уже с использованием более или менее аналитических приемов). Майнов повторяет тезисы И. И. Попова о недопустимости слишком широкого понимания капитализма (тогда «капиталистические отношения» можно обнаружить в любом обществе на любом историческом этапе), о формировании (а не исчезновении) в Сибири общины, о возможности различных вариантов развития хозяйства (т. е. об особом пути России), о необходимости учитывать при изучении общества факторы не только

экономические, но и иные (последнее — не так явно, как у Попова). Кроме этого, И. И. Майнов:

– формулирует важную мысль о том, что наличие в обществе лишь некоторых черт, ассоциируемых с капитализмом, не дает права утверждать о том, что данное общество — капиталистическое; скорее это говорит о том, что капитализму здесь не место («Из того факта, что растение хило, можно заключить разве то, что почва для этого растения непригодна, а никак не то, что вот тут-то ему и цвести и разрастаться чуть ли не в тропический лес» [5, № 141, с. 2]);

– между прочим отвергает тезис о вымирании «инородцев»;

– высказывает убежденность в необходимости изучения народной жизни в целях выработки эффективных мер по развитию «народных форм производства».

В конце статьи Майнов предельно четко сформулировал свою основную мысль: «Уделять все внимание одному ряду сравнительно мелких фактов и замалчивать факты бесспорно крупные — это не значить рассматривать вопрос объективно и научно», и далее — «чтобы понимать жизнь страны, надо прежде всего знать именно эту страну, а не только ту или иную социологическую формулу» [5, № 141, с. 3].

В целом статья И. И. Майнова выглядит более эмоциональной (и поэтому легче воспринимаемой), но менее аргументированной, чем ответ И. И. Попова. Наверняка это могло бы быть использовано их оппонентом, имея дискуссия продолжение. Но «поле боя» осталось за народниками.

Полемика на страницах «Восточного обозрения», конечно, была частным случаем спора между русскими марксистами и народниками, уходящего своими корнями в первую половину 1880-х гг., когда произошло размежевание русских революционеров на тех, кто еще надеялся на крестьянскую революцию и тех, кто связывал будущее России с революцией пролетар-

ской. Полемика эта интересна тем, что она затрагивала вопросы развития Сибири в контексте общероссийской социально-экономической эволюции, но она... довольно странная. Невинная заметка редактора «Восточного обозрения» порождает статью молодого, но амбициозного марксиста (представляющего себя окруженным идеологическими противниками — народниками и считающего своим долгом высказать свою независимую, научную, позитивную позицию) о перспективах развития капитализма в Сибири, которая, в свою очередь, вызывает неспровоцированную, неадекватно бурную реакцию народников, в вотчине которых появился «варяг», предавший анафеме не только капитализм в Сибири, но и капитализм в России, и капитализм в целом, а заодно и марксизм в его российской интерпретации. Такую активность оппонентов, конечно, можно объяснить практически-политической подоплекой дискуссии, четко сформулированной в свое время Г. Е. Зиновьевым: «полемика между народничеством и марксизмом укладывается в формулу — народ и класс», «конфликт между марксизмом и народничеством сводился, в сущности говоря, к вопросу о роли рабочего класса в России, о том, будет ли у нас класс промышленных рабочих, и если будет, то в чем будет заключаться его роль в революции» [2]. А можно попытаться поискать причины неприятия позиций друг друга людьми, в обычной жизни приятельствующими, не в вопросе, составляющим предмет дискуссии, а в самой постановке вопроса.

По ходу изучения материалов рассматриваемой полемики, автора этих строк не оставляло странное ощущение того, что И. И. Попов, И. И. Майнов и Л. Б. Красин говорят о разном на разных языках. В самом деле, единственная позиция оппонентов, которая поддается сравнению — наличие в Сибири конца XIX столетия условий для развития капитализма. Народники считали, что таких условий нет, Красин доказывал их наличие.

В остальном точек соприкосновения найти не удастся. Оппонентами по-разному понимаются используемые ими дефиниции (условия капитализма, сам капитализм, община, товарное хозяйство, «народные формы хозяйства», сам народ), цели исследования, с разными процессами отождествляется прогресс, с позиций различных подходов рассматривается само движение общества во времени (т. е. исторический процесс).

Основная проблема взаимопонимания иркутских народников и Красина связана с тем, что и те, и другой изначально подчиняют используемый материал достижению своих целей — доказать, что капитализма в Сибири нет или, соответственно, капитализм в Сибири есть. Цель оправдывает все средства. Она диктует тактику «борьбы», заставляет останавливаться на одних фактах и игнорировать другие, обращаться к теории или взывать к морали, когда нет никаких фактов. Перед нами не исследования с целью доискаться истины, а подбор фактов и набор логических приемов, используемых с тем, чтобы доказать уже известную авторам истину.

Отсюда вольное обращение с дефинициями, которые должны обозначать *действительные* факты и процессы, но под пером авторов становятся лишь инструментом достижения поставленной цели. Таким «многострадальным» понятием является и капитализм. Для Л. Б. Красина капитализм — *это способ производства*, отличительным признаком которого является *частная собственность на средства производства*, которые «приводятся в действие наемными работниками». Это определение нужно Красину как реперная точка, от которой можно отгалкиваться при анализе явлений. Но такой капитализм устраивает Красина лишь до того момента, пока теория не сталкивается с практикой. На практике чистого капитализма не бывает, и Красин предлагает широкое толкование капитализма, согласно которому он превращается из способа

производства в «строй народного хозяйства». Что это? Либо синоним способа производства (тогда почему не использовать последний термин?), либо, что вернее и следует из контекста слов «в более широком смысле», — структура иного уровня, не совсем понятно какого, но однозначно более высокого, ибо способ производства (производительные силы плюс производственные отношения) вряд ли может характеризовать «*строй народного хозяйства*» в целом. Красин по-своему последователен, ведь теория необходима лишь как базовая модель, капитализм «в узком смысле» для Красина — абстракция, да и цель его — доказать, что капитализм в Сибири существует (по крайней мере, в своей зачаточной форме), а не выяснить, есть ли он. Вслед за изменением сути капитализма Красин изменяет и его признаки — теперь это *обмен, деньги и кредит*. Видя только последнее, народники справедливо критикуют Красина, указывая на то, что такой «капитализм» можно найти, где угодно, но оставляя без внимания, что тот говорит уже не о способе производства, а о «строе народного хозяйства». Не ограничиваясь критикой этого положения, Попов и Майнов предлагают свои трактовки капитализма. Для Попова он — тоже *способ производства* («Мы принимаем первое определение этого понятия», — пишет Попов), но характеризуется этот способ производства, *помимо обмена, денег и кредита*, еще и некоторыми условиями: *отделением трудящихся от средств производства, проистекающим из разделения труда, наемным трудом и крупным производством*. Эти условия полностью соответствуют марксистской теории. Частная собственность на средства производства и наемный труд характеризуют тип производственных отношений, а крупная промышленность характеризует стадию развития производительных сил. Но тогда при чем здесь обмен, деньги и кредит (явления иных уровней, чем, например, отношения собственности), и почему «условия» капитализма не подразделяются

на производительные силы и производственные отношения, а перечисляются в одном ряду, также как явления одного уровня? Ведь крупная промышленность не обязательно подразумевает частную собственность, и наоборот. А для того, чтобы не найдя, к примеру, в Сибири крупной промышленности, иметь основание говорить об отсутствии условий для развития капитализма. Немудрено, что всего этого вместе, в комплексе мы не найдем не только в Сибири, но и в просвещенной Европе (на что и указывает несколько раз Попов). Майнов понимает капитализм по Марксу как *стадию развития хозяйства* (после ремесленной и мануфактурной фаз), когда «разделение труда достигает небывалого развития; обрабатывающая промышленность и торговля становятся главным делом нации, а добывающая промышленность преобразовывается по тому же типу, так как массы трудящихся обезземеливаются, из самостоятельных хозяев превращаясь в батраков» [5, № 139, с. 2]. Тоже все по Марксу, но Майнов выделяет совершенно иные, отличные и от Попова, и от Красина признаки капитализма. Потому что именно их нельзя будет найти в Сибири.

А ведь И. И. Майнов лукавит, — в начале своей статьи, говоря о «фазисах», он практически законспектировал 2–4 параграфы IV главы «Немецкой идеологии». Но «капиталистическим» он называет только третий «фазис», в то время как К. Маркс и Ф. Энгельс говорят обо всех этих трех стадиях как о процессе становления капитализма через разделение труда: на первом этапе («разделение материального и духовного труда») «капитал... не оценивался в деньгах», был *натуральным* [6, с. 50], на втором этапе («обособление торговли от промышленности») «капитал потерял опять значительную часть своего первоначального натурального характера, который был еще до некоторой степени присущ ему» [6, с. 56], на третьем этапе («самое широкое разделение труда») крупная промыш-

ленность «лишила разделение труда последних следов его естественного характера» [6, с. 57]. «Капитализм» Майнова — это последний этап развития капитализма, и в Сибири, конечно, его признаки не находились. Лукавит и И. И. Попов, вычлняя из цельного способа производства только крупную промышленность и наемный труд (причем — отдельно друг от друга) и не находя их в Сибири. Лукавит Л. Б. Красин, трактуя капитализм так, чтобы как можно больше его признаков можно было обнаружить, используя марксистскую политэкономия не как догму, а как раз как метод (к чему и призывал его И. И. Попов), только не метод исследования, а метод доказательства заранее определенной истины. При этом, правда, у Красина есть преимущество, — все же он признает недоразвитость капитализма в Сибири и связывает с ним *будущее* края, в то время как народники апеллируют к *настоящему*.

С проблемой понимания капитализма тесно связан спор о «народных формах хозяйства» как альтернативы капиталистическому способу производства. Народники, игнорируя немногочисленных сибирских рабочих и еще менее многочисленных предпринимателей, отождествляют народ с крестьянством («И если в течение 300 лет Сибирь прогрессировала, если в ней развились гражданственность и культура, то эта эволюция совершалась не благодаря золотопромышленности, чайной торговле, рыбным предпринимателям и скупщикам пушнины, создавшим такие условия жизни, что началось вымирание инородцев и разорение русского населения, не благодаря крупной промышленности прогрессировала жизнь на окраине, а благодаря тому неизвестному пахарю крестьянину, который делал великое дело, культивировал девственную почву, строил деревни, возводил города и проводил дороги» [1, № 105, с. 3–4]). Соответственно, «народные формы хозяйства» (или «народные формы производства») могут иметь корни только в крестьянской среде,

и здесь сама собой на роль одной из таких форм напрашивается община. Красин справедливо критикует народничество за неопределенность понятия «народные формы производства» и, пользуясь этим, берет то из них, которое позволит без особого труда опровергнуть его существование — натуральное хозяйство. Народникам нечего предложить взамен, и они принуждены доказывать, что товарное хозяйство в сибирской деревне неразвито, а неравный обмен промышленников с «инородцами» — не совсем проявление товарного хозяйства, а скорее уродливое явление, о котором и говорить-то без содрогания нельзя. Поскольку община лучше всего подходит под определение основы будущих социалистических хозяйственных форм, Попов и Майнов доказывают формирование общины в Сибири, упрекая Красина в том, что он не замечает этого процесса. Это не совсем справедливо. Красин не может отрицать общины и не отрицает ее, но он видит общину с «подворным» землевладением («захватную»), а не с «общинным» («уравнительную»), как народники. К концу XIX в. в Сибири «захватная» община начинает превращаться в «уравнительную» (в европейской России этот процесс проходил в конце XV — XVI вв.), и оппоненты, аргументируя свои позиции, обращаются к разным общинам. Мало того, анализируя общину, Красин постоянно уходит с того уровня обсуждения ее, на котором строится вся народническая политэкономия — уровня *владения землей*, — то «выше», на уровень целеполагания хозяйственной деятельности (товарное или натуральное хозяйство), то «ниже» — на уровень *пользования землей* (а оно и в «захватной», и в «уравнительной» общине индивидуальное).

Примат целей над средствами в сочинениях участников полемики проистекает из различного понимания народниками и марксистами сущности исторического процесса. Для марксистов история линейна и прогрессивна, для народников — многовариантна, ос-

новой их тезис — «Перед Сибирью два пути!». И выбор верного пути во многом зависит от того, соответствует ли он нравственности, не аморален ли он по своей сути. Неприятие народниками марксизма во многом было связано с тем, что русские марксисты часто пренебрегали нравственной стороной материального производства, рассматривая капитализм как неизбежное и необходимое зло, так как оно было прогрессивнее старых порядков. Именно против такой постановки вопроса и выступали народники («Земной рай еще когда-то наступит, но и наступит ли когда-нибудь, — это пока вопрос, а бедствия, и притом бедствия страшные, грандиозные по размерам и глубоко трагические по существу, — это уж дело верное» [5, № 139, с. 3]), именно поэтому предлагали заниматься изучением и развитием «народных форм производства», ведь в сознании народников «и демократические программы и социалистические идеалы находились в прямом родстве с позитивизмом в философии, с учением об единстве человеческого рода и предопределяемой естественными условиями эволюции человеческого рода» [4, с. 164]. В этом смысле народники противостоят марксистам, стоящим на позициях исторического материализма, еще и как сторонники идеалистических воззрений на развитие человеческого общества, признающие движущей силой исторического развития разум людей (не случаен пассаж И. И. Попова: «Экономические материалисты для личности отводят в истории крайне ограниченное место, указанное якобы самим законом... Величайшая и благороднейшая задача мыслящей личности — изучать действительные отношения и условия, изменять и направлять их на общее благо» [7, № 130, с. 1]).

Таким образом, спор между Л. Б. Красиным с одной стороны и И. И. Поповым и И. И. Майновым — с другой вряд ли мог привести к «рождению истины». Идеологическая непримиримость народничества и

марксизма имела много сторон: позитивизм против исторического материализма; цивилизационный подход против формационного; отвлеченная статистика против конкретной теории; «наивный» оптимизм против «предвзятого» пессимизма; сердце против разума. И эта непримиримость превращала попытки научных исследований в манифесты. Все трое участников дискуссии прекрасно были знакомы с марксистской теорией, но, находя или не находя в хозяйственной жизни Сибири конца XIX в. зерна капитализма, говорили друг с другом на разных языках, используя для своего удобства *различные степени приближения к предмету исследования* (капитализму): от высших уровней (целесолагание: товарное хозяйство — натуральное хозяйство; механизм регулирования: свободное предпринимательство — государственное регулирование) до низших (собственность на средства производства; пользование средствами производства). Но это все равно, что искать, например, человека, состоящего из атомов, молекул и клеток. Такого человека нет. То есть он есть, но мы его рассматриваем состоящим либо из атомов, либо из молекул, либо из клеток. А лучше — если из клеток, имеющих определенный набор генов, — тогда есть надежда хотя бы отличить человека от других животных.

Список использованной литературы

1. Восточная Сибирь на всероссийской выставке 1896 г. (Лекция помощника заведующего сибирским отделом Ив. Ив. Попова) // Восточное обозрение. — 1896. — 6 сент. (№ 105).
2. История Российской Коммунистической Партии (большевиков): лекции, прочитанные Г. Е. Зиновьевым в 1923 г. Вторая лекция [Электронный ресурс] / Г. Е. Зиновьев // Теория и практика политической борьбы на примере РСДРП-РКП(б)-ВКП(б)-КПСС в стенограммах и решениях съездов, конференций и пленумов, а также документах, картах и фотографиях. — Режим доступа : <http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/zin2.htm>.
3. Красин Л. Б. Судьбы капитализма в Сибири / Л. Б. Кр-н [Л. Б. Красин] // Восточное обозрение. — 1896. — 13 окт. (№ 121); 16 окт. (№ 122); 18 окт. (№ 123)

4. Майнов И. И. Исследователи Якутии (Предисловие) / И. И. Майнов // Сибирская живая старина: сб. ст. по общему краеведению и этнографии. — Вып. 3-4. — Иркутск, 1925. — С. 163-166.

5. Майнов И. И. Предвзятый пессимизм (По поводу статьи «Судьбы капитализма в Сибири») / И. М. [И. И. Майнов] // Восточное обозрение. — 1896. — 24 нояб. (№ 139); 29 нояб. (№ 141).

6. Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Политиздат, 1988. — XVI, 574 с.

7. Попов И. И. Судьбы капитализма в Сибири. (Ответ Л. Б. Кр-ну) / И. И. П-в [И. И. Попов] // Восточное обозрение. — 1896. — 3 нояб. (№ 130); 6 нояб. (№ 131); 8 нояб. (№ 132); 10 нояб. (№ 133).

Информация об авторе

Курьшов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: akm77@yandex.ru.

Author

Kuryshov Andrey Mikhailovich — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of History and International Relations, Baikal State University, 11, Lenin Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation, e-mail: akm77@yandex.ru.

Библиографическое описание статьи

Курьшов А. М. «Наивный» оптимизм против «предвзятого» пессимизма / А. М. Курьшов // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 3. — С. 526-543. — DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).526-543.

Reference to article

Kuryshov A.M. Naïve optimism versus preconceived pessimism. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 526-543. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).526-543. (In Russian).